

ЛАДА
СОЛЬ

Война

НА ОХОТЕ

ИЛИ МОЕЙ МАМЕ МУЖ (НЕ) НУЖЕН

Лада Соль

**Вовка на охоте, или моей
маме муж (не) нужен**

«Автор»

2026

Соль Л.

Вовка на охоте, или моей маме муж (не) нужен / Л. Соль —
«Автор», 2026

Двадцатипятилетняя Люба Ростова давно поставила крест на личной жизни. Одна растит четырёхлетнего Вовку, держит хозяйство и не обращает внимания на сплетни. Но её упрямый сын решает: маме нужен муж! И когда в деревню возвращается Андрей Рой, Вовка даже не подозревает, чем обернётся его «охота на мужа для мамы». Но они взрослые, а Вовка знает лучше!***
— Мам, я его нашёл! — Вовка ворвался в дом как ураган, грохнув дверь и едва не опрокинув ведро с водой. Люба, стоявшая у плиты и помешивающая варенье, вздрогнула. — Кого нашёл? — Папу! Половник со звоном упал на пол. — Что?! Вовка сиял, как будто только что получил главный приз в лотерею. — Я тебе говорил, что схожу на разведку! Вот и сходил. Пока ты на рынке была. — Владимир Андреевич, — Люба грозно оперла руки в бока, — ты куда ходил?! — К бабе Клавде. Она мне конфету дала и всё рассказала, — Вовка деловито уселся на табуретку и принялся стягивать сапоги. — Есть один кандидат. Очень подходящий.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лада Соль

Вовка на охоте, или моей маме муж (не) нужен

Глава 1

В которой Вовка идёт на охоту, а мама в шоке!

Маленький Вовка с самого утра был слишком задумчив. Люба же, не покладая рук, старалась успеть сделать как можно больше. Но не всегда наши желания могут совпадать с реальностью.

— Мам, а когда у меня будет папа? — Вовкин детский голос заставил содрогнуться всё вокруг.

Любовь Ростова, красивая женщина с тёмной тяжёлой косой, двадцати пяти лет от роду, чуть не выронила корзину с огурцами. Обернулась на сына, который сидел на старом крыльце, болтая ногами в резиновых сапожках, и с самым серьёзным видом ковырял палочкой землю.

— Вовка, мы же договаривались, — не зная, что сказать сыну, Люба решила идти по проверенному пути.

Она переживала эти вопросы и разговоры уже целый год, но каждый раз для неё это было слишком болезненно.

— Ты договаривалась, — невозмутимо отвечает четырёхлетний философ. — А я слушал. Это разные вещи.

Люба закатила глаза. Ну откуда в ребёнке такая логика? Точно не от неё. Она всегда была девушкой эмоциональной, а вот этот маленький шилопоп с ангельскими кудряшками и серыми глазами умел ставить в тупик одним вопросом.

— Вовчик, солнышко, — она вышла с грядки огурцов и присела рядом, вытирая руки о фартук. — Нам с тобой и так хорошо. Правда ведь?

Мальчик посмотрел на неё таким взглядом, что Люба почувствовала себя студенткой на экзамене у строгого профессора.

— Мам, ну ты же умная. Зачем врать? — выдал невозмутимо Вовка, а Люба почувствовала, как предательски обожгло щёки.

— Я не вру!

— Врёшь, — ответил Вовка и выдержал паузу. — Тебе грустно. Ты думаешь, я не вижу? Я вижу всё.

Господи, ну почему её сын такой проницательный? У неё в голове никак не укладывалось, как ребёнок, которому четыре года, может быть настолько внимательным ко всему.

Люба виновато отвела взгляд, но мысленно согласилась с сыном. Да, бывает грустно. Особенно по вечерам, когда Вовка засыпает, а она сидит на кухне с чашкой остывающего чая и смотрит в окна на чужие освещённые дома, где живут настоящие семьи. Где по вечерам муж с женой общаются. Где в доме уютно и спокойно, и не ждёшь, что кто-то придёт и воткнёт в спину нож осуждения или ядовитое слово выплюнет вслед.

Люба слишком хорошо всё это знала и чувствовала. На собственной шкуре ощутила, как быстро добрые соседи могут превратиться в стаю голодных и диких собак, которые готовы разорвать, лишь бы увидеть всё нутро человека.

Но она выжила и научилась защищаться. Научилась не обращать внимания ни на кого и не принимать всё, что говорили ей в спину. У неё растёт сын, и он — самое большое сокровище, которое может быть.

— Слушай, — Вовка неожиданно спрыгнул с крыльца и деловито отряхнул шорты. — Давай я найду тебе мужа?

— Что?! — Сказать, что у Любы отвисла челюсть, — это ничего не сказать.

Вот такого она точно не ожидала!

— Ну, я же мужчина, — Вовка выпятил худощавую грудь. — И должен о тебе заботиться. Ты мне всегда так говоришь.

— Вовчик — Люба набрала в грудь побольше воздуха, но не успела даже закончить, как сын её перебил, а в его глазах загорелся опасный азарт.

— Не переживай, — он подскочил к Любе и похлопал по руке, как взрослый успокаивает ребёнка. — Я найду хорошего. Чтоб не пил, не курил и на рыбалку меня брал. А то дядя Толя обещал, но всё забывает.

Люба не знала, плакать ей или смеяться.

А ещё к этому всему можно добавить, что ей уже нужно бояться! Вот прямо с этой секунды. Потому что, если её мальчик что-то хотел, он всегда делал всё, чтобы этого добиться. Даже если Люба десять раз скажет, что нельзя, на одиннадцатый Вовка сначала сделает, а потом придёт к ней и расскажет, получилось у него или нет.

— Вова, милый, мужей просто так не находят, — Люба попыталась образумить сына словами.

— Почему? — Он искренне удивился. — Тётя Зина нашла же дядю Петю на сайте знакомств. Ты сама говорила. Хочешь, я сейчас принесу телефон, и мы с тобой найдём этот сайт? А там и

— Нет! — Люба вскочила. — То есть, Вовка, ты ещё маленький, чтобы

— Мам, я уже большой, — он вздохнул с таким видом, будто ему не четыре, а сорок. — Мне скоро в школу. Пора семьёй обзаводиться.

— Тебе в школу через три года! — опешила Люба, смотря на мальчишку, который ещё вчера ночью прятался у неё под одеялом, потому что боялся грозы.

Но куда там! Вовка же уже всё решил!

— Вот видишь, времени мало, — мальчишка кивнул, словно она подтвердила его слова. — Надо поторапливаться. Время, оно знаешь, как быстро летит.

И, насвистывая что-то бодрое, вприпрыжку поскакал в сторону калитки.

— Ты куда? — Люба поняла, что сейчас будет катастрофа, если она что-то не предпримет.

— На разведку, — бросил он через плечо. — Буду кандидатов смотреть. Ты огурцы соли, мам, я скоро вернусь.

— Владимир Андреевич! — рявкнула Люба таким голосом, что куры на соседнем дворе переполошились. — Стоять!

Вовка замер, но обернулся с таким независимым видом, что сразу стало понятно: ген упрямства, который он унаследовал от того, кого Люба поклялась не вспоминать, в полном объёме. Но от этого своего мальчика она меньше не любила.

— Никуда ты не пойдёшь. Сейчас же марш в дом! — добавляя строгости в голос, отчеканила Люба.

— Ну маааам, — протянул обречённо Вовка.

— Без разговоров!

Вовка тяжело вздохнул, развернулся и поплёлся обратно, бормоча себе под нос:

— Вот всегда так. Сам решил наладить жизнь мамули, а меня не ценят.

Люба проводила его взглядом и приложила ладонь ко лбу. Господи, ну что ей делать с этим ребёнком? Четыре года, а он ей уже мужа ищет! Вот откуда в его маленькой голове, которая должна быть занята играми и всякой детской дребеденью, рождаются такие мысли?

Хотя Люба невольно улыбнулась. Вовка был её маленьким чудом. Упрямым, своенравным, слишком умным для своих лет, но — её. Единственным, кто любил её просто так, без

условий. Единственным, кто не дал ей рассыпаться, когда никого вокруг не осталось, а жизнь больно приложила о реальность. И никакой мужик им не нужен. Точно не нужен. Их и так неплохо кормят.

Люба решительно подхватила корзину с огурцами и направилась в дом. План на день у неё был построен с самого утра: засолить овощи, испечь пирог на продажу, свозить на рынок банки с консервацией, да овощи с зеленью, которые уже ждут своего времени. И точно, совершенно точно не думать о мужчинах.

Особенно — о тех, кто однажды разбил ей сердце, но оставил после себя удивительный дар.

Вот только Люба ещё не знала, что у судьбы уже совершенно другие планы на это лето.

Глава 2

В которой Люба торгует пирогами, а тракторист Санёк считает себя подарком судьбы

Рынок в райцентре по субботам гудел, как растревоженный улей. Люба разложила на прилавке банки с огурцами — один в один, хрустящие, с укропными зонтиками, выставила пироги, накрытые чистым полотенцем, и приготовилась к бойкой торговле.

— Любаша, солнце моё деревенское! — раздалось над ухом так громко, что бабка Матрёна за соседним прилавком уронила пучок редиски.

Люба даже не обернулась. Этот голос она узнала бы из тысячи. К сожалению.

Санёк Прохоров, тракторист с местной станции, тридцати двух лет, с золотым зубом и непоколебимой уверенностью, что он — мечта любой женщины в радиусе пятидесяти километров.

— Здравствуй, Саша, — сухо ответила Люба, поправляя полотенце на пирогах.

— Да чего ты такая официальная? — Санёк облокотился на её прилавок всем своим немаленьким телом, и банки жалобно звякнули. — Я ж по делу. Серьёзному.

— Огурцы — сто рублей банка. Пироги — по восемьдесят.

— Да не за огурцами я! — он расплылся в улыбке, демонстрируя тот самый золотой зуб во всей красе. — Я, Любаш, вот чего думаю. Баба ты видная, хозяйственная. Я — мужик хоть куда. Трактор у меня, мотоцикл с люлькой, мамка сало солит — пальчики оближешь. Чего нам порознь куковать?

Люба медленно выдохнула. Раз. Два. Три. Метод глубокого дыхания, вычитанный в журнале, на Саньке не работал уже третий год подряд.

— Саша, я тебе в прошлом месяце что сказала?

— Что подумаешь!

— Я сказала «нет».

— Ну так это ж и значит — подумаешь, — Санёк заговорщицки подмигнул. — Бабское «нет» — оно как погода. Сегодня дождь, завтра вёдро.

За соседним прилавком бабка Матрёна перестала притворяться, что перебирает редиску, и откровенно наострила уши. Ещё бы. Такое кино — и бесплатно.

— И пацану твоему, — Санёк перешёл на тон, который сам, видимо, считал душевным и мудрым, — мужская рука нужна. А то растёт при бабе, как лопух при заборе. Кто его жизни научит? Гвоздь забить, рыбу почистить, за себя постоять? Мамка, что ли? Ты ж его залюбишь до смерти, и вырастет это — он пощёлкал пальцами, подбирая умное слово, — интеллигент.

Последнее слово Санёк произнёс с таким отвращением, будто это был диагноз.

Вот тут у Любы внутри что-то щёлкнуло. Про себя она могла слушать что угодно — привыкла. Но про Вовку

— Значит так, Александр, — она выпрямилась, и в её голосе зазвенела сталь, от которой бабка Матрёна на всякий случай отодвинула редиску подальше. — Мой сын в четыре года читает по слогам, сам одевается, знает, где у трактора карбюратор, — и это, заметь, без всякой мужской руки. А ты в свои тридцать два живёшь с мамкой, которая тебе носки стирает. Так кому тут мужская рука нужна, а?

Санёк моргнул. Потом ещё раз. Информация усваивалась медленно, как солёнка в мороз.

— Так я ж это по-хорошему

— И я по-хорошему. Огурцы брать будешь? Нет? Тогда не заслоняй товар, у меня покупателя.

Покупателей, честно говоря, в этот момент не было, но Санёк обиженно засопел, отлепился от прилавка и, пробурчав что-то вроде «гордая больно, а туда же, с дитём», ретировался в сторону пивного ларька.

— Ох и правильно ты его, Любка, — восхищённо прошамкала бабка Матрёна. — Он ко мне тоже сватался. В девяносто восьмом. К дочке моей, в смысле.

— И что дочка?

— В город сбежала. От греха.

Люба фыркнула и рассмеялась — впервые за утро. А потом торговля пошла, пироги разлетелись за два часа, и она даже почти забыла и про Санька, и про «мужскую руку».

Почти.

Потому что где-то на краю сознания зудела противная мысль: а вдруг Вовка и правда Нет. Нет, нет и нет. Её сыну хватает её. Хватало же четыре года.

Знала бы Люба, что в эту самую минуту по разбитой дороге к их деревне пылит чёрный внедорожник, торговала бы, может, не так спокойно.

Глава 3

В которой Андрей Рой возвращается туда, куда возвращаться не хотел

Деревня Ольховка встретила Андрея так, как встречают все деревни: брехнёй собак, запахом скошенной травы и гусём, который перешёл дорогу перед самым капотом с видом хозяина жизни.

Андрей затормозил, пропуская наглуемую птицу, и поймал себя на том, что рука на руле дрожит. Не от гуся, ясное дело.

Тридцать лет. Две командировки «туда, куда не спрашивают». Орден, медали, осколок, который врачи так и оставили сидеть возле позвоночника, потому что «трогать опаснее». И приговор комиссии: не годен.

Не годен. Два слова — и вся жизнь под откос.

Марина, узнав, продержалась ровно неделю. А потом собрала чемодан и на прощание выдала фразу, которая теперь жила у него под рёбрами вместе с осколком: «Андрюш, ну ты пойми. Списанный офицер — это уже не офицер. Это просто мужик с больной спиной. А я на просто мужика не подписывалась».

Дом стоял на краю деревни — потемневший, с заколоченными окнами, но крепкий. Отец строил на совесть. Отца не стало восемь лет назад, мать — три года как. Возвращаться было не к кому, вот он и не возвращался. А теперь получалось — возвращаться больше некуда.

«Приехал доживать, — мрачно усмехнулся он сам себе, выбираясь из машины и морщась от прострела в спине. — Тридцать лет, а уже доживать».

— Андрюшенька-а-а!

Он не успел даже развернуться, как в него врезалось что-то маленькое, круглое, в цветастом платке и с силой объятий, которой позавидовал бы армейский рукопашник.

— Баб Клава

— Живой! Приехал! А я гляжу — машина чужая, думаю, кто это к Роям А это ж ты! Возмужа-а-ал! — баба Клава отстранилась, оглядела его с ног до головы цепкими, совсем не старушечьими глазами. — Худой только. И глаза как у побитой собаки. Ничего, деревня — она лечит. Кого молоком, кого работой, а кого — она хитро прищурилась, — и другим чем.

— Мне бы ключи, баб Клав. Мать говорила, у вас оставляла.

— А как же! Берегла, как зеницу! — она выудила из кармана фартука связку на верёвочке. — Я там подметала иногда, окна протирала. Дом-то живой должен быть, а он у тебя три года сиротой стоял

Андрей взял ключи. Замок поддался неохотно, со скрипом, — как и всё в его жизни последнее время.

Внутри пахло пылью и прошлым. Вот здесь мать месила тесто. Вот отцовское кресло у окна. Вот на косяке зарубки — «Андрюша, 7 лет», «Андрюша, 10 лет» Когда-то в этом доме жила счастливая семья. Потом отец умер, мать увяла, а он мотался по гарнизонам и приезжал всё реже. А после похорон матери — ни разу. Незачем было. Не к кому.

Он прошёл к окну, отодрал доску, впуская свет. И увидел её.

Яблоню.

Старую, разлапистую, усыпанную наливающимися яблоками. Ту самую, под которой пять лет назад

Челюсти сжались сами. Под этой яблоней он целовал Любку Ростову. Под этой яблоней говорил ей — единственной за всю жизнь — «дождись меня». А через два месяца, в части, получил письмо. Не от неё. И фотографии. И «доказательства». А потом Люба просто исчезла из его жизни — не отвечала, не писала, а когда он через полгода вырвался на побывку, мать сказала, что Ростова «загуляла и уехала, и слава богу, не пара она тебе была, деревенщина».

Он тогда поверил. Всем. Всему. Молодой был, гордый, дурной.

А потом была Марина — городская, правильная, из «хорошей семьи». Которая продержалась неделю.

— Спилю, — сказал Андрей яблоне в окно. — Вот честное офицерское — спилю.

Яблоня равнодушно шелестела листьями. Ей было плевать и на офицерскую честь, и на списанных офицеров вообще. Она собиралась плодоносить.

За забором мелькнул цветастый платок. Баба Клава, деловито удаляясь по улице, улыбалась чему-то своему. И если бы Андрей видел эту улыбку — заподозрил бы неладное. Потому что так улыбаются только люди, которые знают чужую тайну и уже решили, что с ней делать.

Глава 4

В которой Вовка находит кандидата и приступает к операции

— Мам, я его нашёл! — Вовка ворвался в дом как ураган, грохнув дверью и едва не опрокинув ведро с водой.

Люба, стоявшая у плиты и помешивающая варенье, вздрогнула.

— Кого нашёл?

— Папу!

Половник со звоном упал на пол.

— Что?!

Вовка сиял, как будто только что получил главный приз в лотерею.

— Я тебе говорил, что схожу на разведку! Вот и сходил. Пока ты на рынке была.

— Владимир Андреевич, — Люба грозно оперла руки в бока, — ты куда ходил?!

— К бабе Клаве. Она мне конфету дала и всё рассказала, — Вовка деловито уселся на табуретку и принялся стягивать сапоги. — Есть один кандидат. Очень подходящий.

— Так. — Люба подняла половник, положила его в раковину и повернулась к сыну, чувствуя, как внутри поднимается что-то среднее между смехом и паникой. — Какой ещё кандидат?

— Военный! — Вовка поднял палец, как лектор. — Настоящий. С медалями. Баб Клава говорит — герой. Приехал в дом на краю, где яблоня большая. Мам, ты представляешь? Военный! Он же и от волков защитит, и от Санька с рынка!

— Откуда ты про Санька — начала Люба и осеклась. — Неважно. Вовка. Слушай меня внимательно. Никаких кандидатов. Никаких военных. Ты к этому дому даже близко не подойдёшь. Понял меня?

— Понял, — покладисто кивнул Вовка.

Слишком покладисто. Любу этот тон должен был насторожить. Но у неё кипело варенье, ждали своей очереди семь килограммов помидоров на закрутку, и она, погрозив сыну пальцем, вернулась к плите.

А зря.

Потому что Вовка сказал чистую правду: он понял. Понял, что действовать надо самому и молча. Как разведчик. Баб Клава так и говорила: «Ты, Вовочка, главное, к мамке не приставай, она женщина гордая. Ты сам сходи, познакомься. Мужчины промеж собой завсегда договорятся».

И ещё баб Клава как-то странно смотрела на него, когда рассказывала. Гладила по кудряшкам и бормотала себе под нос: «Одно лицо, господи одно лицо. Царствие небесное Тамаре, а грех на ней, ох грех — деревенская девка ей, вишь, не угодила, сыночке не пара» Вовка ничего не понял, но конфета была вкусная, а информация — ценная.

Через час, когда мама с головой ушла в помидоры, Вовка вышел «поиграть во дворе», перемахнул через дырку в заборе — и был таков.

Дом на краю деревни он нашёл быстро. У калитки постоял, оценил чёрную машину с мыслями «ух ты, как у шпионов», и набрал воздуха вежливо, но громко заорал:

— Хозяин! Есть кто живой?!

Из-за дома вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, хмурый, с топором в руке — он как раз разбирал старую поленницу. Вовка окинул его оценивающим взглядом. Так. Высокий — хорошо, до верхней полки достанет. Сильный — хорошо. Топор держит правильно — дядя Толя учил, что правильно. Небритый — это ничего, мама заставит побриться.

— Тебе чего, боец? — голос у мужчины был низкий и не то чтобы приветливый.

— Здрасьте. Я Вовка. Живу вон там, — Вовка неопределённо махнул рукой на полдеревни. — А вы правда военный?

— Был, — сухо ответил Андрей.

— А медали есть?

— Есть.

— А стрелять умеете?

— Умею.

— А на рыбалку ходите?

Андрей опустил топор и присмотрелся к малолетнему допросчику внимательнее. Кудрявый, глазастый, серьёзный до невозможности. И что-то в этой мордахе царапнуло — смутно, как забытая мелодия.

— Ходил когда-то. Ты вопросы по списку задаёшь, что ли?

— Ага, — честно ответил Вовка и продолжил: — Пьёте?

— Что?!

— Ну, водку. Пьёте?

— Нет, — опешил Андрей.

— Отлично! — Вовка просиял и мысленно поставил жирную галочку. — А то знаете, какие мужики бывают. Дядя Коля с нашей улицы как выпьет, так на скамейке спит, а тётя Валя его тачкой домой возит. Огородной. А продукты у вас есть? А то вы приехали только, дом пустой, наверное.

— Завтра с утра в магазин собирался, — сам не понимая зачем, ответил Андрей. С этим ребёнком было невозможно не разговаривать. Он затягивал, как воронка.

— С утра — это правильно, — солидно одобрил Вовка. — С утра хлеб свежий привозят. Часам к девяти. Раньше не ходите — черствый вчерашний будет. Ну ладно, мне пора. Дела. Спасибо за сотрудничество!

И, развернувшись, потопал к калитке, оставив Андрея стоять с топором и с ощущением, что его только что завербовали, а он и не заметил.

— Эй, боец! — окликнул Андрей. — А звать-то тебя как полностью?

— Владимир Андреевич! — гордо крикнул Вовка через плечо и скрылся за поворотом.

Владимир Андреевич. Андрей хмыкнул и вернулся к поленнице. И только глубоко ночью, глядя в потолок родительской спальни, он вдруг подумал: а чей это вообще пацан?

А Вовка тем временем лежал в кровати и составлял план. Значит, так: дядя-военный идёт в магазин к девяти. Значит, маме нужно быть там же. Хлеб у них, кстати, и правда заканчивается. Вовка сам проверил. И на всякий случай спрятал оставшиеся полбуханки за банки с компотом.

Разведка — разведкой, но и о материально-технической базе операции забывать нельзя.

Глава 5

В которой сталкиваются два урагана, а в эпицентре — Вовка

— Мам, хлеба нет! — трагически объявил Вовка утром, распахивая хлебницу. — Совсем! Как жить?!

Люба заглянула в хлебницу и нахмурилась. Странно, вроде вчера полбуханки оставалось. Но спорить с фактами было глупо, а печь некогда — с утра ждала теплица.

— Ладно, сходим в магазин. Собирайся.

— Уже! — Вовка стоял у двери одетый, причёсанный и подозрительно сияющий. Люба списала это на обещанное мороженое.

Магазин «Продукты» — он же сельский центр новостей, сплетен и светской жизни — встретил их запахом свежего хлеба и голосом продавщицы Зинаиды, вещавшей кому-то про цены на сахар.

Люба взяла буханку, пачку соли, встала к кассе

И мир остановился.

Он стоял у прилавка — выше всех, шире всех, в серой футболке, — и Зинаида взвешивала ему колбасу. Пять лет. Пять лет она собирала себя по кусочкам, а хватило одной секунды, одного разворота этих плеч — и всё посыпалось обратно.

Андрей обернулся. И увидел её.

Секунду они просто смотрели друг на друга. Зинаида застыла с колбасой на весу. Даже холодильник с мороженым, кажется, перестал гудеть.

— Ростова, — первым разжал челюсти Андрей. Голос был чужой, ледяной. — Надо же. А мне говорили, ты уехала.

— Рой. — Люба вздёрнула подбородок так, что коса дрогнула. — А мне говорили, ты сюда больше ни ногой. Врут люди.

— Врут, — согласился он, и глаза его — серые, злые — прошли по ней, как рентген. — Люди вообще много врут. Некоторые — молча. Исчезают без объяснений, например.

— Это я-то исчезла?! — у Любы перехватило горло.

А Вовка стоял между ними, переводя взгляд с мамы на дядю-военного, и чувствовал: что-то идёт не так. Совсем не так, как в кино. Там взрослые при знакомстве улыбались. А тут мама побелела, как сметана, а дядя-военный смотрел так, как будто мама — вражеский танк.

Но с другой стороны — они же знакомы! Это же упрощает операцию!

— Мам, а вы что, знакомы? — невинно спросил он.

Люба вздрогнула, будто очнулась. Посмотрела на сына. Потом на Андрея. И что-то в её лице захлопнулось, как ставни перед грозой.

— Нет, — отрезала она. — Обознались оба. Вовка, идём. Вот деньги — сам заплати за хлеб и догоняй, я на улице подожду. — Она сунула сыну купюру и, гордо развернувшись, пошла к выходу.

Но у самой двери не выдержала. Обернулась. И тихо, чтобы не слышал Вовка, копавшийся у кассы, выдохнула Андрею в лицо:

— И вот что, Рой. Претензии свои оставь при себе. Это не я исчезла. Это ты бросил. Ни письма, ни слова — пять лет. Так что не тебе тут глазами сверкать.

И вышла, хлопнув дверью так, что звякнул колокольчик.

Андрей стоял оглушённый. Он бросил?! Это он-то?! Он, который писал, звонил, рвался. Он, которому прислали те фотографии

— Ох и дела-а, — протянула Зинаида, про колбасу уже забыв напрочь. — Смотри-ка, Ростова-то как вспыхнула. Оно и понятно

— Что понятно? — резко спросил Андрей.

— Да что ж непонятного-то, — Зинаида понизила голос до сладкого шёпота, каким сообщают самое вкусное. — Вовка-то её Ты на него глянь и в зеркало глянь. Одно ж лицо! Вся деревня пять лет гадают, а тут и гадать нечего — вылитый ты в детстве, я ж помню тебя мальцом. И отчество, между прочим, — Андреевич

Дальше Андрей не слышал. В ушах зашумело.

Кудряшки. Серые глаза. «Владимир Андреевич». Четыре с лишним года. Пять лет назад

Осколок у позвоночника, о котором врачи говорили «не трогать», внезапно показался ерундой по сравнен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.